

Черная лошадь смотрела на мир холодно и отстраненно, явно не ставя Е Чжэня — этого писаного красавца-омегу в лошадином обличье — ни во что. В ее взгляде сквозили дерзость и презрение.

Е Чжэнь сразу понял: он не нравится этой черной лошади. Впрочем, какая разница? Он ведь жил на свете вовсе не для того, чтобы нравиться каждому встречному. Будучи человеком, он не мог угодить всем, что уж говорить о лошадиной жизни. Да и какие могут быть печали у чистокровного ахалтекинца? Хозяин души в нем не чаёт, холит и лелеет — это уже величайшая милость судьбы. Поэтому Е Чжэнь просто проигнорировал грубость черного скакуна.

Похоже, только он один понимал язык черной лошади. Батиэр и Валлер, не зная этого, лишь расточали ей похвалы. Батиэр, придерживая поводья Е Чжэня, ласково погладил черную лошадь по голове:

— Дилун — отличный малый. Крепкий, способный. Дай срок, и он точно станет чемпионом мира.

Валлер улыбнулся:

— Я тоже надеюсь, что он выйдет со мной на мировой чемпионат, поэтому хочу, чтобы его травма поскорее прошла.

— Все заживет, — успокоил его Батиэр.

— Если бы у него был лучший омега среди лошадей, он поправился бы быстрее, — добавил Валлер.

Батиэр бросил на него взгляд и, уводя своего драгоценного любимца, ответил:

— Это еще зависит от того, понравится ли он моему Лансу.

Из их разговоров Е Чжэнь так и не уяснил, что значит этот «омега». Сначала он думал, что он кобыла, но позже, когда пришло время справить нужду, обнаружил, что это не так. Он был жеребцом, у него были все мужские атрибуты. В конюшне работал мужчина-уборщик, которому платили баснословные деньги, а сам роскошный денник был оборудован специальными писсуарами и лотками. Неизвестно, был ли он приучен к этому раньше, но такая планировка пришлась Е Чжэню по душе. По крайней мере, ему не приходилось жить среди собственных экскрементов.

Направляясь к писсуару, он размышлял: зачем ему, жеребцу, подготовили столько элитных лошадей? Или все эти знаменитые скакуны — кобылы? И хозяин хочет, чтобы он выбрал одну или собрал целый гарем? При этой мысли Е Чжэнь вздрогнул. Нет, невозможно. Судя по тому, как Батиэр его обожает, он ни за что не заставит его заниматься столь утомительным и

неблагодарным делом. К тому же он отчетливо чувствовал, что от всех этих лошадей исходит запах жеребцов.

Е Чжэня это озадачило, но сомнения быстро отступили перед комфортом, роскошью и заботой хозяина. Он питался лучшими кормами и свежей травой, и даже будучи лошадью впервые, Е Чжэнь чувствовал, как сильно его ценят. Хозяин проявлял эту заботу не только в быту, но и в тщательном выборе пары для своего любимца. Он тратил огромные суммы на покупку элитных альфа-жеребцов — сплошь «ламборгини» в мире лошадей, или на худой конец чистокровных английских скакунов. Все они были хороши собой, но ни один не мог сравниться с Лансом — так звали Е Чжэня.

Светло-золотистая шерсть Ланса выглядела настолько прекрасно, что вызывала восторг. А когда на солнце он покрывался испариной, в золоте проступал розоватый оттенок — зрелище было прекраснее любого сказочного существа. Даже люди, глядя на него, теряли голову. Как писали в сети: Никогда не думал, что лошадь может быть настолько красивой. Ланс воплощает все мои фантазии об аристократии в мире животных. И самое поразительное — он омега! Человеческие омеги и то не бывают такими изнеженными, каким же должен быть Ланс?

Другие добавляли: Увидев Ланса, я готов забыть, что я человек. Я готов на все, правда. А самые смелые признавались: Я ужасно злюсь, что я не лошадь. Если бы можно было, я бы хотел стать его альфой в человеческом обличье.

У Ланса были миллионы подписчиков в соцсетях, он был гордостью Батиэра. Когда Лансу исполнилось два года, хозяин завел ему аккаунт под названием Омега Ланс, где публиковал повседневные фото. Ланс покориł всех своей внешностью. Сколько альф было привлечено этим именем, только чтобы обнаружить, что Ланс — это лошадь! Но еще безумнее было то, что эти альфы начали называть себя мужьями Ланса.

Батиэр знал, что с возрастом вопрос отношений станет актуальным. Ланс приближался к взрослой жизни: ему было четыре с половиной года. Лошади обычно взрослеют к четырем-пяти годам, а живут в среднем до сорока, хотя случаются и долгожители. Батиэр был крайне избирателен: в пару своему Лансу он подбирал только молодых жеребцов-альф не старше семи лет — те, что были старше, уже не годились. И все они непременно должны были быть девственниками. Батиэр был тем еще консерватором.

Поэтому в этой конюшне собрались жеребцы от четырех с половиной до шести лет — самые молодые красавцы. Хозяин позволял Лансу общаться с ними, пока тот сам не сделает выбор. К родословной он не придирался, главное — чтобы Ланс был счастлив. Разумеется, он отбирал лошадей светлых мастей, чтобы снизить вероятность изменения цвета шерсти у потомства. Черных лошадей он исключил сразу: гены черного окраса слишком сильны, и Ланс не смог бы передать свой прекрасный золотистый оттенок жеребят.

Поэтому на пастбище, где паслись белые и гнедые скакуны, совершенно неуместно смотрелась одна чисто черная лошадь. Пока у Ланса не начался период гона и не было признаков течки, Батиэр выпустил его на это пастбище, чтобы он освоился и присмотрелся к потенциальным партнерам.

Е Чжэнь не понимал, что происходит. Он думал, что хозяин просто хочет, чтобы он развеялся. В конце концов, он жеребец, и, оглядевшись, он решил, что остальные лошади тоже жеребцы, так что успокоился. Батиэр вовсе не искал ему пару — так он думал, гордо вышагивая по полю.

Е Чжэнь вошел на пастбище, его длинные ноги легко ступали по траве, а золотистая шерсть сияла на солнце. Он шел к остальным, словно гордая принцесса, и в одно мгновение все лошади перестали жевать и уставились на него. Е Чжэнь на секунду замер, но не придавал этому значения. Наивное дитя, он и представить себе не мог, что все эти жеребцы — его потенциальный гарем.

Он приветливо поздоровался с каждым. Белая лошадь изо всех сил терлась мордой о его шею, пытаясь угодить, но Е Чжэнь, не привыкший к такой настойчивости, инстинктивно отстранился. Увидев это, Батиэр крикнул из-за ограды:

— Эй, приятель, Лансу это не нравится. Не приставай к нему и не смей его обижать!

Белая лошадь тут же покорно опустила голову и вернулась к траве. Остальные вели себя так же: они смотрели на Ланса, но не смели проявлять лишней фамильярности, боясь оттолкнуть его. Е Чжэнь обошел всех и убедился, что их нрав вполне покладист. Это его успокоило — значит, они его не ненавидят.

Последним остался черный конь с травмированной задней ногой, которую он держал на весу. Тот явно был не в восторге от его появления. Е Чжэнь помедлил, но все же направился к нему. Раз уж он поздоровался со всеми, было бы некрасиво игнорировать только одного — это выглядело бы так, будто он его бойкотирует. А он не такой. Он ко всем относится одинаково.

Пока он гулял под солнцем, тело разгорячилось, и сквозь золотистую шерсть проступили вены. От легкого пота он стал казаться еще прекраснее — золото с розовым отливом. Все жеребцы не сводили с него глаз, наблюдая, как изящная фигура приближается к черному коню.

Ланс подошел и поздоровался. И, как и ожидалось, он снова понял язык черной лошади.

— Неженка.

Снова это слово. Е Чжэнь слегка опешил и ответил:

— Почему ты постоянно это говоришь?

Черный конь поднял глаза. Ланс, сверкающий на солнце золотом с розовым отливом, с длинной шелковистой гривой, был ослепителен. Он признавал: Ланс красив. Но он не любил таких изнеженных существ.

— Отойди от меня подальше, еще испачкаешь свою драгоценную кровь.

— ...

Дилун знал, что кровь Ланса чиста, люди его обожают, и цена этого скакуна наверняка выше, чем всех остальных на пастбище вместе взятых. Включая его самого — чемпиона по конкуру, только что взявшего весенний кубок лиги. А все потому, что Ланс был чистокровным красавцем, любимцем богачей, которому не нужно было ничего делать, кроме как есть и спать. Он мог простудиться от легкого ветерка! Это была самая неженка из всех, кого он видел. Дилун не любил таких. Ему нравились те, кто вместе с ним покорял арены. Конечно, его ориентация была нормальной, и его будущая пара должна была быть омегой, неважно, жеребец или кобыла. Ланс был омегой, но совсем не тем, о ком мечтал Дилун.

Однако в глазах Батизэра их общение выглядело как флирт. Валлер пришел попрощаться с Батизэром перед сборами к летним и осенним играм и попросил присмотреть за Дилуном. Увидев, что Батизэр с тревогой смотрит на пастбище, где Ланс стоял лицом к лицу с черным конем, Валлер радостно воскликнул:

— Батизэр, смотри! Кажется, Лансу нравится Дилун?

Лицо Батизэра помрачнело:

— Дилун лишь осквернит благородную кровь моего Ланса. Он слишком черный, его масть слишком тяжелая.

Валлер похлопал его по плечу:

— Дилуну восемь лет, с семи он выступает на соревнованиях и стал даже популярнее меня. Он здоров, силен и вполне достоин Ланса. Не закидывайся на цвете его шерсти.

Он снова посмотрел на Ланса и Дилуна:

— Видишь? Они явно симпатизируют друг другу. Позволь Дилуну попробовать! Если Ланс его отвергнет, значит, моему Дилуну просто не повезло.

— Дилун не подходит моему Лансу ни по возрасту, ни по масти, — отрезал Батизэр.

— Зато он красив! — настаивал Валлер. — Хоть он и черный, шерсть у него блестящая, он очень чистоплотный. Идеальная пара для Ланса.

Батизэр фыркнул:

— Мой Ланс его не полюбит.

— Полюбит, — уверенно заявил Валлер. — Дилун — очень харизматичный конь.

Е Чжэнь просто хотел узнать, почему черный конь постоянно задирает нос, а Батиэр решил, что он проявляет интерес. Поэтому на второй день после того, как Е Чжэнь оправился от простуды, Батиэр перевел черного коня из обычного денника в роскошный, к самому Лансу.

Е Чжэнь: «...»

Батиэр гладил его по голове и вздыхал:

— Хотя мне совсем не нравится Дилун, я уважаю твой выбор, малыш.

Е Чжэнь: «???»

Батиэр поцеловал его в лоб:

— Желаю вам любви и долгой жизни. И побольше детишек.

Е Чжэнь: «???»

Батиэр нехотя вышел из конюшни, приказав уборщику:

— А-Вэй, следи за чистотой, не дай обстановке помешать их сближению.

— Хорошо, Батиэр, — отозвался тот. — Стоит отметить, Ланс очень чистоплотен, он отлично пользуется лотком и писсуаром.

— Отлично, — кивнул хозяин. — Будь внимателен, у Ланса скоро может начаться период гона. Пусть Дилун ведет себя аккуратно и не причинит ему вреда.

— Будет сделано, мой дорогой Батиэр.

Ошарашенный Е Чжэнь посмотрел на не менее ошарашенного Дилуна.

— Батиэр, кажется, что-то не так понял? — спросил Е Чжэнь.

— Разве это не потому, что ты проявил ко мне симпатию? — ответил Дилун.

— Ерунда! Когда я успел проявить симпатию?

Дилун осмотрел роскошный денник и небрежно бросил:

— Среди всех этих лошадей только я не был тобой отвергнут. Твой хозяин решил, что ты меня выбрал.

— Но я же жеребец! — воскликнул Е Чжэнь.

Черный конь опустил взгляд на его живот:

— Жеребец-омега.

— Что значит омега?

— Это значит, что тебе пора заводить жеребят.

— ...

Черный конь утешил его:

— Не бойся, я с тобой их заводить не буду.

Е Чжэнь: «...»

Дело не в том, будет Дилун с ним заводить жеребят или нет! Он жеребец, как он вообще может их заводить?!

Черный конь прохаживался по деннику.

— Чтобы развеять заблуждения твоего хозяина, тебе придется выбрать альфу из тех лошадей, иначе нас так и будут держать вместе.

Е Чжэнь уже начал сомневаться в своей лошадиной жизни:

— Значит, кого бы я ни выбрал, я все равно должен буду рожать?

— Да, — твердо ответил черный конь.

Четыре длинные ноги Е Чжэня подкосились, и он без сил рухнул на подстилку.

— Пожалуй, я предпочту умереть прямо здесь.

<http://bllate.org/book/22194/2312927>